

Родился в 1973 году в г. Королев Московской области. Окончил Российскую Академию Театрального искусства и Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в периодических изданиях: "Дети Ра", "Нева", "ДиН", "Зинзивер", "Современная поэзия", "Литературная газета" и др. Книги стихотворений: «Мандариновый сад» (Издательство "Геликон +", 2006 г.), «Ко всему прочему» (Издательство "Русский двор", 2010 г.), «Закрытая книга» (Издательство «Авторская книга», 2013 г.) "Детский возраст" (изд-во "КП ОГТ", 2014). Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Южнорусского Союза Писателей. Живу в Санкт-Петербурге.

Научись молиться моим богам:
для начала медленно, по слогам,
округляя рот, расправляя плечи,
постигая смыслы печатной речи.

Всё быстрее, мягче, в конце концов
уберёшь в сторонку молитвослов
и, слегка сбиваясь, за фразой фразу
повторишь на память. Конечно, сразу
не сумеешь, но не гневи богов,
если спать пойдёшь, не увидишь снов,
потрудись ещё, перечти и снова
отведи глаза от молитвослова.

За печатной речью не виден край,
научись молиться, потом — ругай,
разучи молитвы, потом — суди
до морщин, до судорог, до седин,
до потери пульса, до кома в горле,
остановки сердца, удушья, астмы...

Верю: нету богов покорней,
знаю: боги мои всевластны.

1.

Только любовь, Марина, и никакого бренди,
молча войди, раздёнсья, свет погаси в передней,

дверь посади на цепи, а полумрак — на царство.
Сердцу необходимо замкнутое пространство.

Здесь: ни стола, ни стула, сорванные обои
и на железной койке место для нас обоих.

Но это много больше, но это много шире
неба — в своём размахе, солнца — в своей вершине.

2.

Ночь (или что-то вроде этого), спи, Марина,
страсть к перемене родин даже меня сморила.

Будто уселись в сани, катим от дома к дому:
то к одному пристанем, то прирастём к другому.
Стылое чувство долга не намотать на палец,
видимо, слишком долго жили, не высыпаясь.

Что же теперь согреет в этой ли, в той отчизне?
Спи, засыпай скорее, сон мудренее жизни.

Ещё немного, и песчаным ливнем
накроет Рим, последний, третий Рим,
и мы с тобой об этом говорим,
а надо бы о чём-нибудь наивном.

Допустим, о бессмертии вселенной,
но мы упрямо говорим о не-
избежности: об атомной войне,
о том, что все умрут и мы — со всеми.

А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны...
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь.

Уже ничто не будет повторимо,
уже никто не будет повторим,
и мы с тобой о Риме говорим,
но Рима нет, не будет больше Рима.

ПЕСОЧНИЦА

“Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал”.

Осип Мандельштам

Не тень цветущего каштана —
побеги от скрещённых спичек.
Вот этот низенький куличик
пусть будет Холмик Мандельштама.

Какая, в сущности, умора
произносить: никто не вечен.
Пиковой маковкой увенчан
свод жестяного мухомора.

Песок рассыпчатый, неловкий,
чуть намочить его из лейки.
На разноцветные скамейки
садятся божие коровки.

От песнопений карусели
до колокольного разлива...
И скорбь воистину красива,
чиста, как детское веселье.

Я — пишу, ты — читаешь меня, между нами черта,
мы на разных полях, где одно именуется автор,

а другое — читатель, читатель обязан читать
всё, что автор напишет, и это единственный фактор,

как бы определяющий нашу совместную жизнь,
бытие, отношения, веру друг в друга шлифуя.

За него, как за стебель нефритовый, крепко держись
и читай, даже если не нравится то, что пишу я.

По-другому никак, не бывает иных величин:
не читатель, но здание, коему автор — основа.

Каждый сам по себе невозможен по ряду причин,
центровая: отсутствие смысла в значениях слова.

То есть, слово-то было и будет, как божий миндаль,
предвкушение вечности, чаша святого грааля,

но, скажи мне, кому пригодится в хозяйстве педаль,
если к ней не приложен сверкающий корпус рояля?

Я — пишу, ты — читаешь меня, и другим не чета
наша тонкая связь, у обоих — припухшие веки.

Буду больше писать, чтобы ты ещё больше читал,
а когда испишусь, то и ты — исчитайся навеки.

Я тоже умею играть на трубе,
за правое дело погибнуть в борьбе.
Во поле широком врага настигая,
умею прославить себя, дорогая.

Камнями шугая дворовых собак,
и в церковь умею ходить, и в кабак,
и, даже камнями собак не шугая,
умею туда же ходить, дорогая.

И холод, и голод, и каторжный труд
за краткое время любого согнут.
Ничто не кляня, никого не ругая,
умею согнуться и я, дорогая.

Умею в тебя не войти, но упасть,
с лихвой ублажая животную страсть,
кончаясь, потея, слюной истекая —
всё это умею, моя дорогая.

Умею убиться, остаться живым,
умею считаться навеки твоим
и жемчуг метать, и нести ахиною,
но делать счастливой тебя — не умею.

Не ложись к ней в постель, никогда не ложись, никогда,
даже если метель за окном и в груди холода,

даже если один и конца одиночеству нет,
сам себе господин — сам себе неизвестный поэт,

не ложись к ней в постель, никогда-никогда не ложись —
это больше, чем цель, на которую тратится жизнь,

это больше, чем жизнь, при которой немыслима смерть:
никогда не ложись и не думай такое посметь,

никогда, никогда, потому что не надо, нельзя,
и не чувствуй стыда, уползая, на брюхе скользя

по неровным полам, по стене, потолку — всё равно,
пусть уже пополам разрывает желание, но

не ложись к ней в постель, как занюханный поц, не мельчи,
даже если модель отношений иного не чтит,

даже если нагой, тебе некуда деться в ночи,
к ней в постель — ни ногой, ни рукой, упирайся, кричи,

потому что нельзя, потому что не нужно тебе,
эта всячина вся, эта женщина с богом в ребре —

не твоя параллель, не твоя, не твоя благодать,
не ложись к ней в постель, я ведь знаю, ты ляжешь опять.